

К вопросу о взаимоотношении между представителями суфийского сообщества и официального духовенства (*улама*) Мавераннахра в XVI веке

Л. Э. Исмоилов

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Сложные и порой драматические взаимоотношения между представителями суфийского сообщества и официального духовенства имеют длительную историю, которая окрашена преследованиями и убийствами суфиев. Такое взаимоотношение между этими сообществами практически сохранилось и в истории религиозной жизни позднесредневекового Мавераннахра. Причинами идейных столкновений между ними становились некоторые элементы суфийской теории познания, суфийского института святых и святости, феномен чуда святых, суфийская музыка и танцы, поведение суфиев в обществе и прочее. Нередко поводом для острого полемического спора или серьезного конфликта обычно становились даже незначительные темы и вопросы.

В исследуемой работе рассматриваются конкретные исторические примеры в контексте данного вопроса. Эти житийные эпизоды ярко показывают, насколько была глубока их вражда и неприязнь. Одновременно они показывают неоднозначность и сложность такого рода взаимоотношений, где вражда соприкасалась с симпатией ряда представителей официального духовенства к членам суфийского круга. Но в целом эти отдельные проявления симпатии никак не могли скрывать атмосферу всеобщего недоверия и неприязни между ними. Однако это идейное противостояние между представителями этих сообществ еще не означало полное и окончательное их противопоставление внутри уммы. Оно проявлялось обычно в частном порядке.

Актуальность рассматриваемой темы заключается в факте ее малоизученности в исследуемом периоде. Основу источниковедческой базы статьи составили ряд мусульманских агиографических сочинений Мавераннахра XVI в. Цель данной работы заключается в изучение данного вопроса в истории позднесредневекового Мавераннахра. В работе последовательно рассматриваются некоторые житийные сюжеты, ярко характеризующие и раскрывающие особенности такого рода отношений.

Ключевые слова: *суфизм, улама, Мавераннахр, идейный спор, конфликт.*

В исследуемых *манакибах* (мусульманское агиографическое сочинение) часто рассказываются о явных и скрытых формах соперничества и конфликта между представителями суфийских кругов и представителями официального духовенства. Время от времени соперничество между ними становилось публичным. Кстати, следы такого конфликта находили свое отражение и в истории суфийской персоязычной поэзии, где путем противопоставления таких художественных образов, как *ошик* (влюбленный суфий) и высокомерного *захид* (представитель официального духовенства) поэтически раскрывается причины такого явления. В частности *захид* порицает *ошика* (суфий) тем, что он своими поступками далеко отошел от основных принципов и предписаний религии. В ответ *ошик* горячо заявляет, что Истина познается любовью и сердцем.

Многочисленные и разные рассказы о сложном взаимоотношении суфиев с представителями мусульманского духовенства, их конфликты разной степени сложности имеют свою долгую историю в исламе [1, с. 54]. Существовали многочислен-

ные вопросы, по которыми между ними возникали противоречия. К таким спорным вопросам в большинстве случаев относились разные формы теории и практики суфизма, в частности вопрос о вечной жизни суфийских шейхов и их бессмертие, вера в святости суфиев и святости их могил, частое обращение к суфиям с разными просьбами, исцеление больных суфиями и прочее.

Недоверие и вражда между ними сохранились на протяжении всего Средневековья в различных частях мусульманского мира, в частности и в позднесредневековом Мавераннахре. Обычно жертвами такого непростого взаимоотношения становились в основном суфии.

Ряд случаев конфликта между представителями мавераннахрского суфийского сообщества и мусульманского духовенства нашли отражение в мусульманских житиях святых (*манакиб*) XVI в. В контексте исследуемой темы мы ниже рассматриваем конфликт между известным деятелем мавераннахрского братства *джахрийа* (*яссавийа*) шейх Худойдод Азизоном (умер в 1534 г) и представителем мусульманского духовенства, Мавлана Исам

уд-дином Исфакхани, преподавателя самаркандского *медресе*. Этот конфликт достаточно подробно освещен в *манакибе* (мусульманское агиографическое сочинение) «*Ламахат мин нафахат ал-кудс*» (Отблески от дуновения святости), написанным Мухаммад Алим ас-Сиддики ал-Алави и посвященный известным шейхам братства *джахрийа* Мавераннахра XV—XVII вв. [2].

Судя по содержанию этого сочинения, предметом данного конфликта первоначально было отрицательное, но безобидное высказывание суфийского шейха относительно некоторых учебных предметов, которые преподавались в *медресе* Самарканда. Однажды шейх Худойдод Азизон в беседе с названным ученым предложил последнему прекратить преподавание логики (*мантик*) в *медресе*. Может быть, в те времена этот вид науки (допустим, логика) пользовалась дурной славой, или, вероятно, этот учебный предмет был слишком труднодостижим. Известно, что фундаментальным для мистического познания является принцип сверхрациональности и сознательного отказа от рационально-логических методов.

Мавлана Исфакхани на слова шейха Худойдода об исключении логики из курса преподавания остроумно ответил, что каждое слово, исходящее из его уст, уст святого человека (*авлиё*), надо беречь, и в том числе необходимо изучать логику, ибо это слово только что было употреблено святым (*хар чи аз забон-и авлиё чори шуд, аз у сухбат баракат-е хаст*). Впрочем у этого диалога между этими двумя противоположными лицами не было будущего.

По этой причине шейх Худойдод Азизон находился в сложных отношениях с Мавлана Исамуд-дином Исфакхани. В одном собрании Мавлана Исфакхани порицал шейха за то, что он претендует на духовное звание полюса полюсов (*кутб-уллактоб*), и предложил ему найти вооружение для шейбанида Джанибека Султана (умер в 1529 г.), который отправляется в Персию с целью наказания «еретиков» (*рофизон*) [3, л. 99а]. Следует добавить, что Мавлана Исфакхани был активным проповедником так называемого «хоросанского похода» с целью освобождения Ирана от еретиков (Сефевидов). Письменные источники содержат многочисленные сведения о призывах к непрерывной организации победоносного похода против «еретиков» (*рофизон*).

Этими своими словами Мавлана Исфакхани поставил под сомнение репутацию Худойдода как святого человека. Шейх Худойдод сильно разгневался из-за этого неожиданного и бесцеремонного высказывания Мавлана Исфакхани. Шейх спокойным тоном ответил, что дервиши никогда не пре-

тендовали на это звание — *кутб* (полнос полюсов) и не хотят стать подобными фараону или Нимроду. Видимо, в этом споре шейху были заданы и другие весьма неловкие вопросы, о которых автор *манакиба* не распространяется и указывает только на этот ключевой момент. Здесь главным предметом спора между ними становилось такое важное суфийское понятие, как «соотношение святости и чудеса». В результате вышеуказанного спора между шейхом и Мавлана Исфакхани возникла конфликтная ситуация.

В этом исследуемом житийном эпизоде Мавлана Исфакхани своими нападками старается выразить сомнение в суфийских идеях и в суфийской практике того времени. Видимо Мавлане Исфакхани был присущ прямолинейный характер, и он довольно пренебрежительно относился ко всей суфийской когорте, и в частности к так называемым святым людям (*авлиё/аулия*). Он проявляет себя как противник мистического образа жизни. В споре с Мавлана Исфакхани шейх Худойдод не нашел веского контраргумента и избавился от неловких вопросов одним способом — внезапным уходом. Он отправился в мазар Ходжи Баха уд-дина Накшбанда (основатель братства *накишбандийа*, умер в 1389 г. и похоронен в Бухаре), совершил молитву и изрек, что у каждого ученого есть наставник из числа *аулия* (святых), а сами *аулия* получают воспитание у пророков Аллаха. А каким святым является наставником Исфакхани? (*хар валиро наби аз анбиё-и Оллох мурабби аст. Исфакхани-ро кадом авлиё мурабби аст?*).

Поэтому каверзный вопрос Мавлана Исамуд-дина направлен против Божественной воли [4, л. 100а — 108б]. Здесь можно заметить, что, несмотря на витиеватые рассуждения автора *манакиба* и рьяное оправдание шейх Худойдода Азизона, содержание рассказа свидетельствует о том, что последний попал в словесный тупик из-за вопроса ученого. Однако этот спор имело для Мавлана Исфакхани дурные последствия. По мнению автора вышеуказанного агиографического произведения, в ответ на эти и другие обвинения шейх вызвал у Мавлана Исфакхани сначала болезнь, а со временем — и смерть. Для этого он, видимо, прибегнул к помощи сверхъестественных сил. Автор агиографического сочинения пишет, что через месяц после той памятной словесной перепалки с шейх Худойдодом, Мавлана Исфакхани умер. Однако эта победная реляция автора не может полностью скрыть старую проблему: наличие постоянного недоверия и вражды между представителями суфийских братств и представителями официального *улама*.

Житийные рассказы о недоверии и конфликте суфиев с представителями официального *улама*

размещены также в листах других *манакибов* этого периода. Допустим определенную часть композиционно-тематической структуры жития самаркандийского *кубравийского* шейха Хусейна Хорезми (умер в 1551 г.) тоже составляют рассказы об интригах и происках местного духовенства против суфийского шейха. Здесь более обстоятельно описывается каждый конкретный сюжет и его персонажи. Нередко этой теме посвящен ряд взаимосвязанных рассказов [5]. Развязка таких рассказов обычно заканчивается победой суфийского шейха и поражением или гибелью его врагов — представителей *улама*.

Известно, что оппонентами суфизма были ученые, представители *улама*. Суфии критически относились к представителям официального богословия, к *факихам* и *мухаддисам*, усматривая в их жизнедеятельности признаки мирской суеты. Этому, по их мнению, предосудительному явлению они противопоставляли добродетельные поступки и отказ от мира.

В качестве основной причины, приведшей людей в ряды суфиев, указывается на то, что, в отличие от суфиев, погруженность *улама* в занятия богословием становится для них самоцелью, что отвращает людей от официального богословия. По мнению теоретиков суфизма, среди *улама* встречаются такие люди, знания которых извращены эгоистическими устремлениями. Они отгородили себя от Аллаха изучением *хадисов*. Поэтому, утверждают суфии, гораздо лучше действовать сообразно Божественному закону, чем изощряться в знании того, что предписал Бог. Как утверждают суфии, вина исламских ученых в том, что они копят знания, но не реализуют их в жизни и вдобавок продают за деньги. Ученые, как пишет автор жития Амира Кулала, — это те, чьи речи лучше их поступков, а мудрецы [то есть суфии — Л. И.] — это те, чьи поступки лучше их речей [6, с. 72]. Посрамить надменного ученого — страсть праведника [7, с. 134]. Собственно суфийские шейхи зачастую пользовались большим авторитетом, чем представители *улама*.

Действительно, оппонентами суфизма в XVI в. были ученые, представители *улама*. В этом контексте автор агиографического сочинения «*Са'адия*» (Посвящение Ходже Са'аду Джуйбари)¹, повествует, что в Бухаре жил известный ученый Мавлана Мухаммад Амин Зохид. Хотя он был глубоко верующим человеком, однако враждебно относился к шейхам *тариката* (*аммо*

ба машоих-и тарикат душман буд, ба инкор буд) [8, л. 76а]. Мавлана Мухаммад Амин Зохид часто допускал нелюбезные высказывания в адрес суфиев. Он был преподавателем *медресе* и считался всесторонне образованным человеком, обладал тонким критическим и независимым умом. Интересен тот факт, что этот человек практически не соблюдал существующий официальный этикет.

Мухаммад Амин Зохид пользовался особым влиянием на известного шейбанида Убайдуллу-хана (умер в 1540 г.). Он сумел убедить хана отменить несправедливый, разорительный налог для снабжения войска, и до этого момента никто не имел возможности его остановить.

Но были и ученые (*улама*) — представители официального ислама, которые искренно симпатизировали суфийским братствам. К примеру, известный ученый того периода, Мавлана Мухаммад Сиддик, имел близкие отношения с суфиями братства *джахрийа* (*бо ин тоифа эшон-ро иртибот буд*) [9, л. 179б — 180а]. Тяга к суфизму у некоторых представителей интеллектуальной мусульманской элиты проявлялась независимо от принадлежности к тому или иному *мазхабу* или политической группе. Поэтому идейная позиция *улама* по отношению к суфизму не была универсальной и консолидированной. Хотя, в свою очередь, среди суфиев исследуемого периода не наблюдается открытое неуважение к официальному духовенству или властям.

Когда вышеуказанный *кубравийский* шейх Хусейн Хорезми (умер в 1551 г.) жил в Самарканде, его часто посещал самаркандский ученый Мавлана Ахмад Чунд. Другие ученые (*улама*) были недовольны его отношениями с названным шейхом и порицали коллегу, заявляя, что, когда простой народ заметит эту связь и частое общение, то больше не будет уважать ученых (*хурмат-и он ба олимон кам мешавад*). Мавлана Ахмад Чунд оправдывал свои посещения шейха тем, что совершал визиты к шейху не по принципу *таклид* (подражание), а по принципу *тахкик* (убеждение в истинности деяния суфиев) [10, л. 118а, 131б, 138а].

Этот последний житийный рассказ еще раз ясно иллюстрирует имевший место существенный разрыв между представителями *улама* и суфийских братств и даже их серьезное противостояние. Это было своего рода столкновение способов мышления внутри мусульманской общины. Довольно сложные и полемические рассуждения автора *манакиба* об особенностях природы знания в суфизме указывают на серьезные теоретические разногласия между суфиями и *улама*. Из-за особого отношения к природе знания у суфиев

¹ Сочинение принадлежит перу Хусейна Серахси. Книга написана в 1573 г. Оно включает также биографию бухарского *накибандийского* шейха Ходжа Ислама Джуйбари (умер в 1563 г.).

постепенно формировались личная идейная позиция и различные формы действий.

В целом в мусульманских агиографических сочинениях (*манакиб*) исследуемой эпохи исследователь Средневековья находит явные и завуалированные формы конфликта между представителями суфийского сообщества и мусульманского духовенства. Это взаимоотношение имело долгую и конфликтную историю в исламе, и изучаемый период тоже не исключение. Известно, что из-за двойственности положения суфиев в обществе, вражда к суфийским братствам, их шейхам, их учению и практике была постоянной и упорной. Официальные религиозные власти, несмотря на компромиссы, никогда не могли примириться с существованием религиозных центров, не подчинившихся их контролю.

Представителей суфизма и *улама* разделяло множество споров — от богословских до некоторых форм суфийской практики [11, с. 107—115]. Особенно позиции сторон слишком отличились в отношении определенных видов суфийской практики (допустим, суфийская музыкальная практика — *сама*'), и они не принимались оппонентами как часть исламской традиции. Особую опасность для официальных мусульманских догматов представляли экзотерические теории суфиев. Мусульманские мистики полагали, что в результате аллегорического толкования текста Корана посвященные могут обнаружить там другие истины.

Правда, в *манакибах* конкретно не указаны главные предметы спора между суфиями и представителями официального духовенства. Как мы заметили выше, в одном вышеуказанном житийном эпизоде предметом спора между ними ста-

новится, в частности, вопрос о суфийском понимании идеи святости и чуда. Кроме того, одной из причин обострения взаимоотношений между мусульманским духовенством и суфийского сообщества было жестокое военно-религиозное столкновение между суннитами и шиитами в Хорасане. Перед новыми вызовами истории суннитство нуждалось в защите своего духовного авторитета всеми силами и способами.

Некоторые вышеописанные конфликтных случаев между представителями суфийских кругов и официального духовенства, скорее всего, были конфликт мировоззренческих ценностей. В большинстве случаев споры между представителями суфийского сообщества и официального духовенства затягивались надолго и завершались взаимными обвинениями в неверии, а порой переходили в затяжной конфликт. Нередко участники спора становились едва ли не жертвами политических гонений. Рассматривая вопрос о взаимоотношениях представителей суфизма и *улама*, нельзя принимать полемические баталии отдельными исламскими богословами и суфиями за мнение всей мусульманской общины. И это не было системным, коллективным противостоянием между ними, ибо были случаи, когда некоторые представители богословских кругов симпатизировали суфийским идеям и их практике. У исследователей суфизма [12] существует мнение о нераздельности суфийской и общемусульманской идеологии и, как следствие, бесперспективности их противопоставления. Здесь можно лишь говорить об отношении конкретного богослова или группы богословов к конкретным проявлениям суфизма.

Список литературы

1. Муслимов, С. Ш. Теологические истоки внутриконфессиональных конфликтов / С. Ш. Муслимов, С. Ш. Нурилова // Исламоведение. — 2012. — № 1. — С. 51—57
2. Мухаммад Алим ас-Сиддики ал-Алави. Ламахат мин нафахат ал-кудс, рук. (инв. № 1629) // Национальная библиотека Таджикистана.
3. Мухаммад Алим ас-Сиддики ал-Алави. Ламахат мин нафахат ал-кудс, рук. (инв. №1629) // Национальная библиотека Таджикистана.
4. Мухаммад Алим ас-Сиддики ал-Алави. Ламахат мин нафахат ал-кудс, рук. (инв. №1629) // Национальная библиотека Таджикистана.
5. Шариф ад-дин Хусейн Хорезми. Джодат-ул-ошикин, рук. (инв. № 1838) // Национальная библиотека Таджикистана.
6. Мудрость суфиев // пер. с персид. О. М. Ястребовой, Ю. А. Иоаннесьяна, Б. М. Бабаджанова. — СПб. : Петербургское Востоковедение, 2001. — 448 с.
7. Тор, А. Исламские мистики / А. Тор ; пер. с нем. В. Г. Ноткиной. — СПб. : Евразия, 2003. — 240 с.
8. Хусейн Серахси. Са'адия, рук. (инв. № 109) // Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша, АН РТ.
9. Мухаммад Алим ас-Сиддики ал-Алави. Ламахат мин нафахат ал-кудс, рук. (инв. № 1629) // Национальная библиотека Таджикистана.

10. Шариф ад-дин Хусейн Хорезми. Джодат-ул-ошикин, рук. (инв. № 1838) // Национальная библиотека Таджикистана.
11. Раджабов, Р. А. Основные конфессиональные противоречия между суфизмом и ваххабизмом / Р. А. Раджабов // Исламоведение. — 2009. — № 2. — С. 107—115.
12. Билалов, М. И. Онтологические и гносологические различия суфизма и салафизма / М. И. Билалов // Исламоведение. — 2015. — № 1. — С. 61—63.

Сведения об авторе

Исмоилов Лутфулло Эшонович — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, африканистики и исламоведения института международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань, Россия. *ismoilov-62@mail.ru*

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 11 (457).

Philosophy Sciences. Iss. 62. Pp. 33—38.

On the question of the relationship between representatives of Sufism and ulama Maverannakhr in the XVI century

Ismoilov L.E.

Kazan Federal University, Kazan, Russia. ismoilov-62@mail.ru

The difficult and troubled relationship between representatives of the Sufi community and the official clergy has a long history saturated with victimization and murders of Sufis. Such relationships between these communities continued in the religious life of the late medieval Maverannahr. The reasons for ideological clashes between them were some elements of the Sufi theory of knowledge, the Sufi institution of saints and holiness, the phenomenon of holy miracles, Sufi music and dances, the Sufis' social behavior, and some other aspects of the Sufi life. At times, even insignificant topics and questions could cause a fierce dispute or a major conflict.

This study covers a particular historical period related to the research questions. Hagiographical episodes show how deep the enmity and hostility between the Sufi community and the official clergy were. At the same time, the ambiguity and complexity of this kind of relationship can also be observed as the enmity intermingled with the proclivity of some representatives of the official clergy towards members of the Sufi circle. In general, however, such individual manifestations of proclivity could not hide the atmosphere of mutual distrust and hostility. At the same time, the ideological confrontation between the representatives of the two communities did not, however, mean full and complete opposition within the Ummah. As a rule, it manifested itself one on one.

There is very little published research on the relationship between representatives of the Sufi community and the official clergy in the late medieval Maverannahr. The research draws on the 16th century Maverannahr Muslim hagiographic works. The purpose of this work is to study the relationship between representatives of the Sufi community and the official clergy in the history of the late medieval Maverannahr. The study consistently examines some hagiographic plots that accurately describe and reveal the unique relationship between the two communities.

Keywords: *sufism, ulama, Maverannakhr, ideological dispute, conflict.*

References

1. Muslimov S.Sh., Nurilova S.Sh. Teologicheskie istoki vnutrikonfessional'nyh konfliktov [Theological origins of intra-confessional conflicts]. *Islamovedenie* [Islamic studies], 2012, no. 1, pp. 51—57. (In Russ.).
2. Muhammad Alim as-Siddiki al-Alavi. *Lamahat min nafahat al-kuds, ruk. (inv. № 1629).* (In Persian).
3. Muhammad Alim as-Siddiki al-Alavi. *Lamahat min nafahat al-kuds, ruk. (inv. № 1629).* (In Persian).
4. Muhammad Alim as-Siddiki al-Alavi. *Lamahat min nafahat al-kuds, ruk. (inv. № 1629).* (In Persian).
5. Sharif ad-din Husejn. *Dzhodat-ul-oshikin, ruk. (inv. № 1838).* (In Persian).
6. *Mudrost' sufiev* [The wisdom of the Sufis]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2001. 448 p (In Russ.).
7. Tor A. *Islamskie mistiki* [Islamic mystics]. St. Petersburg, Evraziya, 2003. 240 p. (In Russ.).
8. Husejn Serahsi. *Sa'adiya, ruk. (inv. № 109).* Institut istorii, arheologii i ehtnografii im. Ahmada Donisha, AN RT. (In Persian).
9. Muhammad Alim as-Siddiki al-Alavi. *Lamahat min nafahat al-kuds, ruk. (inv. № 1629).* (in Persian).
10. Sharif ad-din Husejn. *Dzhodat-ul-oshikin, ruk. (inv. № 1838).* (In Persian).

11. Radzhabov R.A. Osnovnyye konfessional'nyye protivorechiya mezhdu sufizmom i vakhkhabizmom [The main confessional contradictions between Sufism and Wahhabism]. *Islamovedeniye* [Islamic studies], 2009, no. 2, pp. 107—115 (In Russ.).

12. Bilalov M.I. Ontologicheskiye i gnoselogicheskiye razlichiya sufizma i salafizma [Ontological and epistemological differences between Sufism and Salafism]. *Islamovedeniye* [Islamic studies], 2015, no. 1, pp. 61—63 (In Russ.).